

УДК 8; 18'42

ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ОШИБОК

Епихина Е.М.

ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»,
Волгоград, e-mail: elisaveta_e@inbox.ru

Статья посвящена эмблематическому прочтению коммуникативных ошибок, позволяющему идентифицировать личности участников диалога. Выделен и описан эмблематический потенциал интерпретации следующих дихотомических типов коммуникативных ошибок: системные и нормативные; релевантные и нерелевантные; адресантные и адресатные; поведенческие и структурно-языковые. Выявлено, что системные ошибки зачастую свидетельствуют о принадлежности говорящего к другой лингвокультуре, в то время как нормативные указывают на низкий уровень его образованности. Нерелевантные коммуникативные ошибки часто вызваны усталостью, плохим самочувствием говорящего, тогда как релевантные указывают на принадлежность собеседника к иной социальной группе, что возводит его в ранг чужого. Эмблематичность адресантных ошибок сугубо ситуативна, адресатных же диагностируется по степени понимания/непонимания/непонимания отправленного информационного сообщения. Поведенческие ошибки, как правило, указывают на то, что их совершивший не принадлежит к тому или иному социальному кругу, а структурно-языковые свидетельствуют либо о безграмотности, либо о рассеянности говорящего.

Ключевые слова: эмблема, коммуникация, идентификация личности, имидж, языковая личность

EMBLEMATIC INTERPRETATION OF COMMUNICATIVE MISTAKES

Epikhina E.M.

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, e-mail: elisaveta_e@inbox.ru

The article deals with interpretation of communicative mistakes permitting to identify the participants of a dialog. The emblematic potential of the following dichotomous types of communicative mistakes is distinguished and described –systemic/normative, relevant/irrelevant, addresser/receiver, behavioural/structural-linguistic. It has been revealed that systemic mistakes are usually indicative of the speaker's belonging to another linguoculture whereas normative mistakes identify his/her low level of education. Irrelative communicative mistakes are often cause of fatigue or unwellness of the speaker while relevant ones denote the speaker's belonging to another social group which makes him alien. The emblematic potential of addresser mistakes is particularly contextual when that of receiver mistakes can be defined only by the level of informational message understanding/misunderstanding/incomprehension. Behavioural mistakes tend to indicate that the person who has made them doesn't belong to a certain social circle whereas structural-linguistic mistakes are indicative of either ignorance or distraction of the speaker.

Keywords: emblem, communication, personal identification, image, language personality

Процесс обмена коммуникантами информацией, он же процесс общения, в связи с многообразием своих целей, задач, а также обуславливающих их ситуаций и контекстов нуждается в определенных уровнях, а также типах понимания и интерпретации.

В своих работах, посвященных семиотической составляющей коммуникации, известный лингвист Ч.С. Пирс выделял индексальные знаки, т.е. такие знаки, форма которых лишь условно связана с содержанием объекта, а для их прочтения необходима определенная осведомленность [4]. В этой группе выделяется эмблема (от греч. «*emblema*» – «вставка»), знак, допускающий только одну интерпретацию, важнейшей функцией которого представляется идентификация. Эта функция, как отмечает В.И. Карасик, «состоит в том, что соответствующий образ является знаком принадлежности того или иного индивидуума к определенной группе» [2]. Автор особо выделяет тот факт, что эмблематика

общения представляет собой систему однозначно опознаваемых коммуникантами сигналов; Ю.М. Лотман, говоря об эмблеме, также подчеркивает: «...Когда, например, создается эмблематический знак, имеющий некий утвержденный за ним смысл, а сам этот эмблематический знак включает в себя словесную надпись – текст какого-нибудь лозунга, то вся эта триада означает одно и то же и взаимопереводима. Необходимость нескольких выражений одного и того же содержания диктуется педагогическими или агитационными соображениями, но неизменно подразумевает однозначность смысла» [3]. Тем не менее помимо функции идентификации личности говорящего эмблематика служит средством упрощения содержания высказывания или его информационного дублирования.

По своей сути общение эмблематично, оно заполнено знаками как однозначно и моментально считываемыми, так и заметными не всем и далеко не сразу. Тем не менее, выделить особые сигналы в потоке

речевого сообщения не всегда легко. В процессе нейтральной передачи информации или побуждении к какому-то действию должна присутствовать определенная единица, обращающая на себя внимание, выделяющаяся среди прочих. Исходя из этого, представляется обоснованным выделить среди других возможных явлений коммуникативную ошибку. Коммуникативная ошибка рассматривается нами, вслед за Л.О. Бутаковой, как коммуникативно-значимое нарушение, существенно ухудшающее восприятие и понимание речи или отдельного высказывания [1]. Необходимо подчеркнуть, что общим признаком всех типов ошибок является непреднамеренность их совершения, а коммуникативное нарушение, совершенное по умыслу, произвольно, не является коммуникативной ошибкой, или же мы имеем дело с преднамеренным актом, а не случайным сбоем, в качестве которого мы и рассматриваем ошибку в нашем исследовании.

Один из участников коммуникации может невольно послать другому определенный знак, который будет моментально считан, и, в свою очередь, явит собой эмблему. Эта эмблема в зависимости от ситуации и условий протекания коммуникативного акта может сообщить о говорящем значимую информацию: его статус, происхождение, принадлежность к той или иной культуре (в том числе, чужой), возраст и состояние здоровья. Однако для того, чтобы эмблема была верно считана, необходима подготовленность коммуниканта, так как отсутствие особых знаний может превратить эмблему в символ, который, как известно, допускает многозначность трактовок.

В своей работе на основании изученного теоретического и практического материала мы выделяем ряд типов коммуникативных ошибок, каждый из которых при определенных обстоятельствах, участниках общения и контексте может быть эмблематическим.

Исходя из критерия системности, мы выделяем системные и нормативные ошибки. Системные ошибки обусловлены выбором ненормативного варианта из ряда предлагаемых языковой системой. Учитывая богатство языка, очевидно, что языковая система имеет тенденцию предоставлять вариативные пути выражения определенного смысла, однако если индивидом была выбрана опция, не принимаемая языковой нормой, фиксируется ошибка. Подобное нарушение чаще всего свидетельствует о принадлежности говорящего к иной лингвокультуре, о том, что перед нами носитель другого языка. С.Н. Цейтлин в своих рабо-

тах отмечал системные ошибки, появляющиеся по причине

- 1) прямолинейного следования системе без знания ограничений языковой нормы;
- 2) выбора ненормативного варианта;
- 3) устранения таких явлений нормы, которые не совсем вписываются в систему, и унификации их под более системные [5].

Иностранцы, говорящие на русском, часто неверно выбирают суффиксы, передающие значение несовершенного вида по аналогии с наиболее часто ими встречающимися. К примеру, правильными использованиями суффиксальных форм являются: развесить – развешивать, подкрасить – подкрашивать, но огласить – оглашать, в то время как носителем другого языка по аналогии может быть выбрана неправильная форма оглашивать. Обратная ситуация возникает и в случае, когда русские говорят на английском языке. Учитывая специфику восприятия временного континуума представителями русскоязычной лингвокультуры, использование глаголов состояния вызывает у них трудности, особенно при необходимости передачи протяженности во времени. «*I'm agreeing with you*», «*Julia has been preferring tea to coffee for all her life*», и, наиболее частое нарушение, искажающее конвенциональную норму, «*I have been knowing him for ages*». Возвращаясь к вопросу эмблематичности, для человека, знакомого с правилами употребления этих глаголов (необязательно оригинального носителя языка, к примеру, квалифицированного преподавателя), нарушение подобного рода сразу же выступит считываемым в качестве эмблемы – сигнала, что перед ним носитель другой лингвокультуры.

Нормативные ошибки представляют собой нарушение образцового, общепризнанного употребления элементов языка (слов, словосочетаний, предложений), а также нарушение правил использования речевых средств в определенный период развития языка в целом. Сюда можно отнести акцентологические ошибки – ошибки в ударении – мИзерный, катАлог; грамматические ошибки – на мосте, более умнее; орфографические – подстаканек, жывность; лексические – ихняя машина; орфоэпические ошибки – бассЭйн. Так называемая «серьезность» той или иной ошибки определяется в каждой конкретной ситуации и зачастую различна для различных типов коммуникативных актов. Тем не менее существуют грубые ошибки, к примеру, докУмент, пОртфель, случАй, нАчать, ложить и прочие. Подобные ошибки зачастую являются универсально эмблематическими и говорят о низком уровне

образованности отправителя речевого сообщения.

Принимая за основу критерий коммуникативной релевантности, мы предлагаем выделить релевантные и нерелевантные ошибки. В нашей работе коммуникативная релевантность рассматривается как соответствие получаемого результата коммуникации желаемому, или, иными словами, достижение коммуникативной цели. В соответствии с этим нерелевантными нам представляются ошибки, не влияющие в целом на исход коммуникации и не делающие достижение коммуникативной цели невозможным. В данном аспекте мы сталкиваемся непосредственно со сферой межличностных взаимоотношений (как культурных, так и общечеловеческих), а также с коммуникативной ситуацией, обуславливающей процесс общения. Такие нарушения, как оговорки, опiski, опечатки, ослышки, неточности зачастую не влияют на исход разговора и даже могут положительно воздействовать на него, привнеся юмористическую окраску коммуникации, к примеру: она вылечилась на юриста, кармановый разговорник не испортит контакта двух собеседников. Рассматривая эмблематический аспект этого вопроса, можно отметить, что чаще всего подобные нарушения списываются на усталость, задумчивость, рассеянность и не оскорбляют реципиента.

В свою очередь релевантные ошибки не только вызывают затруднения в процессе общения, но и делают коммуникативную цель недостижимой. К подобным нарушениям можно отнести резкое снижение регистра общения, к примеру, обращение на «ты» с малознакомым человеком, либо старше по возрасту и выше по социальному статусу, а также использование нецензурной, бранной лексики или жаргонизмов. Статусная эмблематичность заключается в указательной сущности эмблемы как индекса социального положения индивида. Эмблема в данном случае выступает определенным признаком, осознанно или бессознательно выбранным человеком для передачи информации о его месте и/или значимости в обществе. Говоря о статусной сущности эмблематичности, отмечаем, что она также находит выражение в выборе определенных стратегий и способов речевого поведения: подчеркнутая расслабленность артикуляции (хотя и не являющаяся нормой) и избыточное использование жаргонизмов в речи молодежи или подчеркнутая, иногда чрезмерная четкость формулировок и частое использование этикетных формул интеллигентией также могут быть выделены в эмблемы, апеллирующие

к сознанию адресата с целью ответить на вопросы:

- 1) кто передо мной?
- 2) как мне выстраивать с ним взаимодействие?

Отклонение от принятой нормы в данном конкретном обществе или социальном слое выдает непринадлежность индивида к той или иной группе, а, следовательно, возводит его в ранг чужого. Особое место в пространстве статусной эмблематичности занимает эмблематичность власти. В данном случае речь идет непосредственно о статусных признаках поведения участников коммуникации. Интересным является тот факт, что именно эта сложившаяся система посылаемых друг другу однозначно опознаваемых сигналов, пожалуй, наименее других принимает возможность любых отклонений от существующих поведенческих формул, поскольку по сути своей формировалась как способ урегулирования жизни общества и выстраивания вертикалей власти: к примеру, начав обращение к старшему по званию не «Разрешите обратиться», а любым другим способом, военный обрекает себя на коммуникативный провал. В подобных случаях коммуникативная ошибка привлекает все внимание реципиента, оскорбляя его или вводя в недоумение, и, следовательно, не позволяет осуществить коммуникативные задачи.

Исходя из критерия участника общения, мы предлагаем выделить ошибки адресантные и адресатные. Адресантными являются те ошибки, которые были совершены отправителем речи (информации). Подобные нарушения отличаются фактически безграничным многообразием, а также могут приводить к самым прогнозируемым последствиям – как отрицательным (непонимание, неприязнь, агрессия), так и положительным (комический эффект, «разрядка» обстановки и т.д.). Эмблематичность в данном случае обусловлена ситуативно: к примеру, если мужчина, входя в дом, не здоровается с тем, кто встречает его на пороге, это нарушение формульной модели поведения может быть по-разному считано и интерпретировано: если его встречает знакомый, он может увидеть в нем эмблему, говорящую о невоспитанности, однако же если мужчину встречает его жена, хорошо знающая биохеиористические особенности мужа, она сразу считывает эту значимую лакуну как признак того, что у супруга был сложный день. Продолжая иллюстрировать индивидуально-личностный аспект эмблематичности, отметим, что весьма частотной

эмблемой выступают разнообразные речевые афазии. В данном случае осведомленность реципиента является ключевым фактором глубины раскрытия эмблематического потенциала коммуникативного нарушения. К примеру, речь индивида, хотя и формально не дезорганизованная, но не несущая никакого смысла, в которой связываются несовместимые понятия и словосочетания, вводящие слушателя в когнитивный диссонанс типа: лазурный лягушачий голос тишины, будет воспринята обывателем как эмблема, просто означающая, что перед ним душевнобольной, в то время как специалист-психиатр на основании услышанного может сделать более точный вывод – подобная речь указывает на шизофрению.

Адресатные же ошибки, напротив, совершаются реципиентом, и, поскольку в данном случае коммуникативная ошибка рассматривается с позиции слушающего, наиболее важным представляется нарушение интерпретации сообщения. Здесь мы имеем дело с несколькими наиболее распространенными обозначениями: непонимание, недопонимание или недоразумение. В случае полного непонимания резонно считывание подобного коммуникативного нарушения как отсутствие принадлежности слушающего к данной языковой среде, или же в зависимости от условий протекания коммуникативного акта наличие нездоровой психики коммуниканта или его временное плохое самочувствие, однако в ситуации частичного недопонимания или недоразумения отправитель сообщения считает эмблематическую коммуникативную ошибку интерпретации признаком усталости, невнимательности, рассеянности и прочих менее серьезных нарушений, к примеру, недостаточного владения информацией в контексте проводимого акта коммуникации.

Принимая за основу критерий культурной пресуппозиции, мы предлагаем рассмотреть ошибки поведенческие и структурно-языковые. Поведенческие ошибки условно лежат вне языкового выражения, другими словами, это ошибки в тех аспектах коммуникативного акта, которые не связаны исключительно с этим выражением. В подобном случае мы сталкиваемся с вопросами поведения, самопозиционирования, языком тела, хептикой (языком прикосновений) и т.д. В качестве поведенческой ошибки может рассматриваться и отдельно взятый жест, поступок или даже формулировка своего высказывания, нечеткое обозначение мыслей и идей. Распространенной ошибкой русскоговорящих, к примеру, в Греции яв-

ляется простое покачивание головой из стороны в сторону, для россиян означающее отказ или несогласие, а для греков, напротив, согласие, подтверждение сказанного. Нарушение подобного рода моментально считываются представителями местной культуры, а совершившие их идентифицируются в качестве чужаков.

В отличие от поведенческих, структурно-языковые ошибки связаны исключительно с нарушениями языковой системы, сломом привычной и правильной языковой конструкции, к примеру, структурно-языковыми нарушениями являются следующие: «жажда к жизни» – употребление лишнего предлога, «Цветы, растущие в бабушкином саду, они очень сильно разрослись в этом году» – местоименное дублирование подлежащего, «весь вечер прождала на окне» – неверный выбор морфологической формы обстоятельства. Подобные нарушения могут быть эмблематическими, если это ситуативно и личностно обусловлено, в противном случае они могут являться оговорками и необязательно диагностировать серьезные отклонения или безграмотность говорящего.

Выделенные типы рассматриваются нами как одна из возможных вариаций систематизации коммуникативных ошибок по их существенным признакам, а их интерпретативное раскрытие как наиболее вероятное, но не единственно возможное. Типологизируя коммуникативные нарушения в своем исследовании, выбирая характер типологизации, а также приводя примеры раскрытия эмблематического потенциала нарушений, мы прежде всего исходили из критериев частотности, вероятности, а также диагностируемости.

Подводя итоги, можно отметить, что процесс человеческого общения наполнен эмблемами, в качестве которых зачастую выступают коммуникативные ошибки. Системные ошибки могут указывать на принадлежность говорящего к другой лингвокультуре, нормативные же часто говорят о низком уровне его образованности; релевантные ошибки в большинстве случаев совершаются представителями своего общества или социального слоя, так как не вызывают отторжения содержания общения, а ошибки нерелевантные, как правило, возводят их совершившего в ранг чужих; эмблематичность адресантных ошибок обусловлена ситуативно, адресатные же интерпретируются в зависимости от степени понимания и указывают как на психические отклонения получателя информации или на его временное плохое самочувствие, так и на усталость,

невнимательность, рассеянность и прочие нарушения; ошибки поведенческие ситуативно обусловлены и часто говорят о принадлежности совершившего их к иной социальной группе, в то время как структурно-языковые ошибки могут быть вызваны как общей безграмотностью, так и простой рассеянностью говорящего.

Список литературы

1. Бутакова Л.О. Опыт классификации ошибок, свойственной письменной речи // Вестник Омского университета. 2. – Омск, 1998. – С. 72–75.
2. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.
3. Лотман Ю. М. Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. Т.2 / сост. Е.В. Пермяков. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – С. 416–423.
4. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения: пер. с англ. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
5. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. – М.: Просвещение, 1982. – 143 с.

References

1. Butakova L. O. Omsk, Vestnik Omskogo universiteta, 1998, no. 2, pp. 72–75.
2. Karasik V.I. Yazykovaya kristallizatsiya smysla. Volgograd, Paradigma, 2010. 422 p.
3. Lotman YU. M. Moscow, Lotmanovskiy sbornik, 1997, no. 2, pp. 416–423.
4. Pirs CH. S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Moscow, Logos, 2000. 448 p.
5. Tseitlin S.N. Rechevye oshibki I ih preduprezhdenie. Moscow, Prosveschenie, 1982. 143 p.

Рецензенты:

Красавский Н.А., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград;

Желтухина М.Р., д.ф.н., профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград.

Работа поступила в редакцию 27.01.2014.